

Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space

AB IMPERIO

Исследования по новой имперской истории и национализму
в постсоветском пространстве

РЕДАКЦИЯ EDITORS

Илья В. ГЕРАСИМОВ	Илья V. GERASIMOV
Сергей В. ГЛЕБОВ	Serguei V. GLEBOV
Александр П. КАПЛУНОВСКИЙ	Alexander P. KAPLUNOVSKI
Марина Б. МОГИЛЬНЕР	Marina B. MOGILNER
Александр М. СЕМЕНОВ	Alexander M. SEMYONOV

Литправка и корректура	Style Editing and Proofreading
Мария НОВАК	Maria NOVAK
Тереза М. МАЛХАМИ	Therese M. MALHAME

3/2015

www.abimperio.net

тема года 2015 annual theme:

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ПРОШЛОГО?

DOES THE PAST HAVE A FUTURE?

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

**FUTURE NO MORE:
FIGHTING NOVELTY**

**FUTURE NO MORE:
БОРЬБА С НОВИЗНОЙ**

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ	I.	METHODOLOGY AND THEORY	8
From the Editors <i>Blinded by the Past</i>			9
От редакции <i>Ослепленные прошлым</i>			15
Джо Гулди, Дэвид Армитедж <i>Исторический манифест</i> Jo Guldi and David Armitage <i>The History Manifesto</i>			
<i>Глава 3. Длинное и короткое: Глобальное потепление, регулирование и неравенство в 1970-е и после</i>			23
<i>Chapter 3. The Long and the Short: Climate Change, Governance, and Inequality since the 1970s</i>			

FORUM AI

THE FUTURE TERMED IN VOCABULARIES OF THE PAST:
THE NATIONAL REVOLUTION IN UKRAINE AS A MIRROR
OF IDEALIZED HISTORY

БУДУЩЕЕ, ВЫРАЖЕННОЕ ЯЗЫКОМ ПРОШЛОГО:
НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В УКРАИНЕ
КАК ЗЕРКАЛО ИДЕАЛИЗИРОВАННОЙ ИСТОРИИ

Christopher Gilley *“Otamanshchyna”? The Self-Formation of Ukrainian and Russian Warlords at the Beginning of the Twentieth and Twenty-First Centuries* 73

Кристофер Гилли *“Отаманичина”? Сценарий формирования украинских и русских полевых командиров в начале XX и XXI столетия*

Serhy Yekelchyk *National Heroes for a New Ukraine: Merging the Vocabularies of the Diaspora, Revolution, and Mass Culture* 97

Сергей Екельчик *Национальные герои для новой Украины: смешение репертуаров диаспоры, революции и массовой культуры*

СОЦИОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, IV. SOCIOLOGY, ANTHROPOLOGY, 124
ПОЛИТОЛОГИЯ POLITICAL SCIENCE

Сергей Абашин *Возвращение домой: Семейные и миграционные сценарии в Узбекистане* 125

Sergei Abashin *Returning Home: Family and Migration Scenarios in Uzbekistan*

ABC: ИССЛЕДОВАНИЯ ИМПЕРИИ V. ABC: EMPIRE & NATIONALISM 166
И НАЦИОНАЛИЗМА STUDIES

PROJECT AI

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРС “НОВАЯ ИМПЕРСКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ”
HISTORY COURSE “A NEW IMPERIAL HISTORY OF NORTHERN EURASIA”

Глава 8. *Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век*

Chapter 8. *The Dilemma of Stability and Progress: Empire and Reforms in the Nineteenth Century*

Часть 2. *Проектирование национальной империи* 167
Part 2. *Designing National Empire*

НОВЕЙШИЕ МИФОЛОГИИ

VI.

NEWEST MYTHOLOGIES 254

- Сергей Крих *Плановая экономика от Шумера до Советского Союза: судьба древней империи глазами современных историков* 255
 Sergey Krikh *The Planned Economy, from Sumer to the Soviet Union: The Fate of an Ancient Empire through the Eyes of Modern Historians*

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

VII.

BOOK REVIEWS 292

- Alfred J. Rieber, *The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War* (Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2014). 640 pp., maps. Index. ISBN: 978-1-107-04309-1.
Seymour Becker 292
- Gábor Kármán and Lovro Kunčević (Eds.), *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* (Leiden, Boston: Brill, 2013). 449 pp. Indices. ISBN: 978-90-04-24606-5.
Александр Осипян 299
- Omer Bartov and Eric D. Weitz (Eds.), *Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands* (Bloomington: Indiana University Press, 2013). xii, 528 pp., ills. Index. ISBN: 978-0-253-00631-8.
Оксана Ермолаева 317
- James H. Meyer, *Turks across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914* (Oxford and New York: Oxford University Press, 2014). 224 pp., ills. Bibliography. Index. ISBN: 978-0-19-872514-5.
Игорь Алексеев 330
- Liliana Riga, *The Bolsheviks and the Russian Empire* (Cambridge: Cambridge University Press, 2012). 313 pp., ills. Bibliography. Index of Names. Subject Index. ISBN: 978-1-107-01422-0.
Ilya Gerasimov 336

Anna Ananieva. Russisch Grün: Eine Kulturpoetik des Gartens im Russland des langen 18. Jahrhunderts. Bielefeld: Transcript, 2010. 442 S., kart. Orts- und Personenregister. ISBN: 978-3-8376-1479-4.	
<i>Андрей Лазарев</i>	352
Светлана Малышева. “Профессионалки”, “арфистки”, “любительницы”: публичные дома и проститутки в Казани во второй половине XIX – начале XX века. Казань: Издательство Казанского университета, 2014. 188 с. ISBN: 978-5-00019-178-1.	
<i>Ирина Ролдугина</i>	358
Michael Bernhard and Jan Kubik (Eds.), <i>Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration</i> (Oxford and New York: Oxford University Press, 2014). 224 pp., ill. Bibliography. Subject Index. ISBN: 978-0-19-937514-1.	
<i>Nari Shelekrayev</i>	368
Stefan B. Kirmse, <i>Youth and Globalization in Central Asia: Everyday Life between Religion, Media and International Donors</i> (Frankfurt-New York: Campus Verlag, 2013). 337 pp., ill. Bibliography. Index. ISBN: 978-3-593-39889-1.	
<i>Юлия Градскова</i>	376
Douglas Rogers, <i>The Old Faith and the Russian Land: A Historical Ethnography of Ethics in the Urals Culture and Society after Socialism</i> (Ithaca and London: Cornell University Press, 2009). 338 pp. Bibliography. Index. ISBN: 978-0-8014-7520-7.	
<i>Данила Расков</i>	382
List of Contributors	392
Список авторов	394
<i>Ab Imperio</i> – 2016: Годовая программа	396
<i>Ab Imperio</i> – 2016: Annual Program	399

всю сложность и противоречивость референтных рамок (*frames of reference*), конструируемых молодыми людьми.” В качестве концепта, описывающего реконструированный им процесс глобализации, Кирмзе предлагает использовать термин “укорененная / угнездившаяся глобализация” (*nested globalization*). Такая глобализация, наблюдаемая в Оше, тесно связана с имеющимися там культурными и социальными репертуарами, а многие транснациональные идеи и бренды “укореняются” в городе и регионе, будучи заимствованными у кого-то из непосредственных соседей.

Данила РАСКОВ

Douglas Rogers, *The Old Faith and the Russian Land: A Historical Ethnography of Ethics in the Urals Culture and Society after Socialism* (Ithaca and London: Cornell University Press, 2009). 338 pp. Bibliography. Index. ISBN: 978-0-8014-7520-7.

КОНЦЕПЦИЯ ЭТИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА
В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА*

Изучение старообрядчества имеет много граней: история, археография, язык, музыка, экономика. Если в советский и имперский период тема старообрядчества во многом замалчивалась, то в последние десятилетия она не только стала популярной, но и выделилась в отдельное направление со своими специальными конференциями, исследовательскими темами, особым кругом общения. Специализация этой особой предметной области знания все больше стала напоминать самоизоляцию, как будто старообрядчество само не было подвержено изменениям и существовало вне контекста социума, экономики и политики. Исследователи старообрядчества оставляли в стороне многие вопросы теории, перестали вписы-

* Материал подготовлен при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00380а.

вать это многообразное явление в широкий контекст теоретических и практических вопросов, имеющих универсальное значение. Кажется, период накопления сведений, проникновения в предмет и связанной с этим временной изоляции от множественных контекстов завершается. Примером преодоления узких предметных и контекстуальных рамок служит рецензируемая книга американского антрополога Дугласа Роджерса, название которой можно перевести на русский как “Старая вера и русская земля: историческая этнография этики Урала”. В 2010 г. она была отмечена почетным упоминанием (*honorable mention*) в рамках премии им. Клиффорда Гирца Общества антропологии религии Американской ассоциации антропологов и Ассоциацией славянских, восточноевропейских и евразийских исследований.

В рецензируемой книге автор искусно рассказывает историю о том, как старообрядцы пермской земли определяли, как надо жить в согласии или конфликте с собой и с миром, и соответствующим образом организовывали свою жизнь в контексте таких внешних обстоятельств, как освобождение от крепостного права, коллективизация и строительство социализма, постсоветская рыночная трансформация.

Концепция этического репертуара – многопланового набора восприятий, склонностей и ожиданий – в основном определяет то, как работает историк и антрополог с материалом. Так, у человека, занятого в крепостном хозяйстве, купеческой лавке, колхозе или современной агрофирме, формируется ценностное отношение к земле, труду, обмену и деньгам. Кроме отношения вырабатываются повседневные практики, они могут иметь свои типологические отличия в зависимости от возраста, пола, социального и имущественного положения. Формирование и изменения этого репертуара связаны с возникновением конфликтов, неравномерным распределением властных отношений, возникающих и внутри самой религиозной общины. Эта книга – о конструировании идентичности и адаптации общины верующих в контексте изменяющегося мира, о выборе и этических практиках.

Книга Роджерса предельно ограничена по своему географическому фокусу и в то же время открыта в интеллектуальном плане. В центре исследования – жизнь небольшого села Сепыч из Верхокамья, современного Верещагинского района Пермского края. Село известно, по крайней мере, с 1782 г. как место поселения беглых старообрядцев из

Москвы и Поморья. В настоящий момент в селе проживает около полутора тысяч человек. Используя метод включенного наблюдения, автор прожил в двух семьях целый год в 2000–2001 гг., раз в неделю выбираясь в районный центр Верещагино, а иногда и в Пермь. Общался с людьми, то преподавал английский, то брался за любую поденную работу, стараясь участвовать во всех значимых событиях в жизни села, разговаривал с администрацией, с молодежью, со старшим поколением. Во время коротких последующих визитов в село в 2002, 2004, 2006 и 2008 гг. Роджерс проверял свои наблюдения. В результате продолжительного антропологического исследования он скорректировал первоначальную цель проекта – “изучить возрождение старообрядчества в постсоветский период” (Р. 22). В книге он стремится исследовать реальные чувства, настроения и практики в контексте религиозной, социальной, политической и экономической жизни, зафиксировать и интерпретировать реальные проблемы, противоречия, чаяния и практики людей, которые жили и живут в селе Сепыч. Выбор конкретной точки на карте России позволил четче задать вопросы эволюционного и структурного плана и проследить историю этого места на протяжении трех веков. Автор дополнил интервью рабо-

той в архивах Пермской области и Верещагинского района, изучением материалов и рукописей, собранных археографическими экспедициями МГУ, которые проводились в Верхокамье с 1972 года.

Книга структурирована по хронологическому принципу: первая часть посвящена имперской России, когда село Сепыч входило в поместье Строгановых, вторая часть затрагивает советскую историю, третья в большей степени обсуждает современный период. Первая часть, озаглавленная “Этический репертуар”, воссоздает начальную историю села и поиски спасения беглыми старообрядцами на землях Строганова. Затем обсуждается роль веры, семьи и земли в жизни сельчан после освобождения от крепостного права. Во второй части – “Поколения и этика социализма” – проблематизируются гендерные и возрастные роли в социалистическом труде и христианской аскезе. Если первые две части в основном носят исторический характер и основаны преимущественно на письменных источниках, то третья часть – “Борьба за формирование нового этического режима” – главным образом полагается на устные свидетельства. В ней показывается сложный процесс трансформации постсоветского общества, где сталкиваются разные смысловые

логики и практики. В этой главе подробно обсуждаются такие вопросы, как домашнее производство, последствия неравенства доходов, противопоставление хозяйственного и делового типа отношений, всесторонне осмысливается строительство в поморском селе поповской церкви и такое явление, как массовый выбор сельчан крестить с батюшкой в церкви, но отпевать с бабушками в моленной.

Остановимся подробнее на реконструкции Роджерсом этического репертуара, складывающегося в хозяйственной жизни, включающей также отношения взаимопомощи, доминирования и подчинения. Разбираемые вопросы хозяйственной этики могут быть сведены к проблемам соотношения земли и веры, труда и молитвы, денег и ритуала. Кроме того, в заключение обсудим наблюдения и выводы Роджерса относительно факта организации общины поповцев белокриницкой иерархии и строительства церкви в селе, где всегда доминировали беспоповцы поморского согласия.

Автор связывает в названии “веру и землю”, поскольку в самой жизни, ее истории и восприятии они существуют неразрывно. “Религия” – конструкция ученых,

жизнь носит более цельный характер, в самом же понимании жителей Верхокамья вера и возделывание земли всегда были сплетены (Р. 5). Земля дала возможность беглым раскольникам, как их называла власть имперского периода, укрыться и не только прокормить себя, но и сохранить веру предков на столетия. Отмена крепостного права в конечном итоге привела к усилению неравенства и внутренним раздорам, усилению конфликта между общиной верующих и миром, где земля стала предметом купли-продажи. Когда после революции на землю сепычан пришли красноармейцы из Верещагино и начали отбирать хлеб, творить беспорядочное насилие, то скоро вспыхнуло Сепычевское восстание, в результате которого были убиты более сорока советских работников и членов их семей.² Затем земля перешла в общее пользование. Адаптация к колхозной жизни шла по линии передового ведения коллективного хозяйства и выделения особой касты молящихся – старушек пенсионного возраста. Именно бабушки сформировали идентичность верующих в советские годы. Конец советской власти и возвращение рыночных отношений внесли свои коррективы и

² См. А. А. Безгодов. История Сепычевского восстания 1918 года по новым источникам // Традиционная культура пермской земли. Мир старообрядчества / Отв. ред. И. В. Поздеева. Ярославль, 2005. С. 271-290.

в пользование земель, и в поиск новой идентичности и религиозных практик. Возвращение к мужскому клиросу и более серьезной роли мужчин-священников нашло отражение в строительстве новой церкви и стало возможным благодаря лучшему пониманию общественной значимости церкви со стороны новых хозяев земли.

Одно из достоинств книги состоит в том, что автор не выделяет искусственно экономические аспекты из сферы культуры и повседневной жизни:

Вопреки моим изначальным предположениям, старообрядчество не может быть понято в отрыве от мира домашней экономики или работы на частной ферме. Старая женщина, которая более часто посещает богослужения, не может рассматриваться отдельно от более скептически настроенного молодого человека (Р. 26).

“Труд и молитва” оказываются внутренне связанными в жизни села и жизни конкретного человека. Роджерс подмечает, что в большинстве случаев характер выбора между трудом и молитвой отличает поколения: в детстве, юности и старческом возрасте – молитва, во взрослой жизни – работа (Рр. 47–49). Своеобразное разделение обязанностей между

поколениями и частично полами в труде и молитве служило основой социальной организации общины в советские годы. Передовые работники колхоза могли позднее превращаться в молящихся старцев.

В брежневскую эпоху совхоз из Сепыча по производству молока и мяса стал передовым, к его успехам было приковано внимание местной прессы. Опираясь на свидетельства очевидцев, Роджерс пишет об особом энтузиазме в труде, о целенаправленной моральной поддержке и общественной работе (Рр. 136–137). Вопреки общим тенденциям в стране того времени, молодежь оставалась в селе, создавая семьи и работая в совхозе. Трудовой энтузиазм поддерживался новыми ритуалами. В доме культуры или клубе происходили посвящения в земледельцев и животноводов, чествовались “трудовые династии”. В документальном пятнадцатиминутном фильме “Сепычевские свадьбы” (1982 г.), труду на пашне придавался даже эротический оттенок (Р. 141). Ритуальная часть одной из девятнадцати сыгранных за год свадеб, показанной в фильме, сугубо социалистическая, без всякого влияния беспоповства. Вместе с тем, Роджерс отстаивает достаточно парадоксальный вывод о том, что этический режим социализма в Верхотамье скорее

поддерживал ключевые элементы старообрядчества, нежели вступал с ними в непримиримую борьбу (Р. 148). Молодое поколение строило социализм, старики молились. Молодежь переносила день свадьбы, чтобы попасть в объектив съёмочной группы, старухи в этот же самый момент следили, чтобы их тарелки и чашки не “замирщались” молодежью, собирались на моления по домам, продолжался спор “максимовских” и “деминских”. Столичные исследователи-археографы восторгались коллекцией книг, которые им удалось привезти в Москву, москвичи смотрели фильм, в котором директор совхоза напутствует молодую семью трудиться по-социалистически и не оставлять родного села. Это были части одной и той же советской реальности.

С одной стороны, предприимчивость в торговле и промышленности помогала староверам, с другой, вопрос о принципиальном отношении христианина к благам мира сего не уходил с повестки дня. Роджерс сообщает, что один из первых известных споров в селе Сепыч по вопросу отношения к деньгам состоялся в середине XIX века. В диспутах с представителями официальной церкви активно обсуждались следующие вопросы: можно ли покупать и продавать религиоз-

ные книги; можно ли принимать плату за совершение таинств? По мнению староверов, мирские деньги оскверняли священное пространство ритуала, священные книги (Рр. 58-59). Староверов отличала настойчивость в проведении границы, отделяющей чистое и священное от нечистого и мирского. Примечательно, что если в спорах XIX века представители официальной церкви защищали возможность принимать деньги за совершение таинств, то в начале XX века эту, более современную позицию, защищали уже поповцы белокриницкой иерархии. Беспоповцы же по-прежнему считали, что милостыня должна отдаваться не деньгами, но плодами урожая или животноводства – яйцами, яблоками. Прежний этический репертуар проявляется в восприятии этого вопроса современными мирянами. Один из интервьюируемых Роджерсом, так и предположил, что деньги нужнее священнику, чтобы “покупать машины и иметь баб” (Р. 275). В этом утверждении важно воспроизведение прежнего набора обвинений. Деньги в этом контексте выступают знаком оборачиваемости, ликвидности, способности накапливаться и воспроизводить себя в качестве капитала, быть свободным эквивалентом любого желания. Деньги ассоциируются с бизнесом, прибылью, предпри-

имчивостью, что воспринимается общиной верующих отрицательно. Напротив, хозяйственность, общественные дела воспринимаются в положительном ключе.

Желание строго следить за неуршимостью границы священного провоцировало последующие расколы. Самый крупный спор, предположительно в 1888 г., разделил беспоповскую общину поморцев на “максимовских”, или “ждановских” (последователей Максима Жданова), и “деминских” (из деревни Демино).³ “Максимовские” утверждали, что отлучили “деминских” за многократное неучастие в соборе, “деминские” ссылались на личные грехи настоятеля Максима Жданова. Роджерс обращает внимание на те обстоятельства, которые не упоминаются обеими сторонами. Причины раскола он связывает с непростым процессом освобождения крестьян от крепостной зависимости, в результате чего возросло неравенство, повысилась мобильность, крестьяне стали больше вовлекаться в рыночный обмен. Сам спор стал отчасти носить экономический характер, поскольку “деминские” обвиняли “ждановских” в смешении двух практик – мирской и священной, в подчинении ритуалов новым

правилам мира (Р. 91). Роджерс ставит важный и достойный дальнейшего изучения вопрос о непосредственной связи развития капитализма – в данном случае аграрного – с усилением делений и дроблений внутри ранее единых христианских общин (Р. 102). Этика социализма сместила акценты хозяйственной деятельности и в определенном смысле приблизила их к христианским идеалам. Несмотря на материальный детерминизм, стали уделять больше внимания моральной мотивации, энтузиазму в труде, “богатству в людях”. В период социализма вернулись и к более традиционным формам взаимодействия, исключая деньги, большое значение приобрели неформальные связи, знакомства, совместное проведение времени, подарки.

Парадоксальным образом, деньги не начали играть главную роль и в постсоветские годы, их на время просто ни у кого ни стало. Субститутотом денег во многом стал домашний алкоголь, который не мог накапливаться, самым ценным в нем было непосредственное потребление. В экономике России этого периода стали доминировать бартер и суррогатные формы денег. От взгляда антрополога не ускользает распространение

³ Е. М. Сморгунова. Пермская рукопись XIX в. “О разделе” // Русские письменные и устные традиции и духовная культура / Под ред. И. Д. Ковальченко. Москва, 1982. С. 247-265.

наряду с денежными отношениями институтов взаимных услуг и взаимопомощи. Деньги в ряде ситуаций успешно замещаются самогоном, цена которого в середине 90-х годов была значительно ниже цены заводской водки. Согласно наблюдениям автора, продажей алкоголя и контролем над семейным бюджетом в основном занимались женщины. Вообще надо подчеркнуть, что Роджерс уделяет особое внимание гендерному распределению ролей в рамках анализа практически любой темы.

Одним из наиболее интересных сюжетов книги стал рассказ о появлении в беспоповском селе церкви белокриницкой иерархии (сквозная тема части III). Факт строительства церкви в традиционно поморском селе тем более удивителен, что в конце девятнадцатого века полемика между поповцами и беспоповцами была более острой, чем между беспоповцами и представителями господствующей церкви. Роджерс предлагает несколько объяснений строительства церкви и готовности крестить в ней детей (правда, важно отметить, что отпевание и похороны в селе продолжали заказывать у “ждановских” и “деминских”). Во-первых, это стало результатом ослабления к этому времени поморцев, которые были замкнуты и постепенно теряли влияние, знание устава и обрядов.

Вера “бабушек” была хорошим компромиссом для советского времени, но уже не отвечала потребностям нового времени, когда активнее стала задумываться и приходиться к вере молодежь, когда возникла возможность большей вовлеченности мужчин в жизнь религиозной общины. Инициатива в консолидации общины оказалась упущенной, и запоздалые попытки найти компромиссную фигуру, способную объединить две группы поморцев, так и не увенчались успехом. Во-вторых, Роджерс проводит анализ адаптации к новой ситуации в рамках различных этических репертуаров и риторических стратегий. Он приходит к выводу, что строительство церкви оказывается понятнее для бывших советских руководителей, которые воспринимают данную задачу как новую “общественную работу”, “работу с людьми”. Решающий вклад в регистрацию общины и строительство церкви вносят бывшие комсомольские и партийные работники. Бывший директор коллективного хозяйства, позднее бессменный директор АОЗТ, возводит за счет коммерческой фирмы стены. Верующим остается лишь собрать средства на иконостас и купола.

Кроме поморских наставников беспоповцев пытаются защитить археографы и работники

культуры, которые выходят с инициативой создания музея морской культуры. Они видят в строительстве церкви угрозу для сохранения культуры верующих, которая, по их мнению, является живым свидетельством подлинной национальной традиции. Но язык наставников и археографов – язык исторический, доктринальный, иногда теологический, оказывается менее понятным и менее востребованным, чем язык общественно-значимого служения, создания общего пространства, работы в интересах людей. На этом примере Роджерс показывает, как работает его концепция этического репертуара, выявляя избирательное сродство между советской эпохой, с ее ориентацией на строительство детских садов и домов культуры, и новой задачей по строительству церкви, на которую откликаются те же люди, воспринимая это как похожую в практическом плане задачу. На этом живом примере Роджерс в очередной раз вступает в спор с археографами и теми исследователями старообрядчества, которые идеализируют прошлое, исходят из концепции непрерывности национальной и духовной

традиции, не замечая усилий новых поколений по конструированию идентичности, изобретению новых способов адаптации, частичного использования кладезя традиций для создания новых форм социальной жизни и приспособления к изменяющемуся миру.

Антропологическое исследование Роджерса уникально. Сравнивая его с давним “плотным описанием” Дэвида Шеффела общины староверов-часовенных в канадской провинции Альберта,⁴ следует отметить, что книга о Сепыче гораздо полнее и разнообразнее как в плане поставленных вопросов, так и в охвате материала. В Березовке Шеффела практически нет противоречий, это чудом сохранившийся слепок древней Руси, многие черты этого укромного, закрытого для посторонних уголка Шеффел увязывает с восточным христианством. Книга Роджерса – это существенный шаг вперед, редкий пример серьезного исследования, в котором воссоздана локальная история за три столетия.

Книга Роджерса является научным исследованием, и автору во многом удается сохранить

⁴ См. David Scheffel. In the Shadow of Antichrist: The Old Believers of Alberta. Peterborough, 1991. В книге достаточно много отсылок к Кэролайн Хамфри и Маргарет Парксон: Caroline Humphrey. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism. Ithaca, 2002; Margaret Paxson. Solovyovo: The Story of Memory in a Russian Village. Bloomington, 2005.

аналитическую дистанцию с объектом, однако при этом, безусловно, текст отражает личное эмоциональное отношение автора к описываемым героям и событиям. При этом автору чужды наивность, романтизм, увлечение такими ригидными концептами, как “крестьянский менталитет” или “традиционная русская культура”. Роджерс резко противопоставляет свой метод инструментальному подходу к исследованию, призванному отыскать и описать аутентичные традиции. Для Роджерса село Сепыч – это полигон для тестирования различных теорий, как антрополог-историк он ценит связанное описание, подкрепленное теорией. Круг актуальных для него авторитетов включает Мосса и Бурдые, Фуко и Ницше, из российских авторов Роджерс ценит О. Хархордина и В. Волкова.

Книга написана хорошим литературным языком, читается легко. Она может быть методологически полезна для всех, кто собирает информацию в поле, вносит живую струю в исследования старообрядчества. Автор вступает в открытый спор с исключительным вниманием к “поиску и сохранению национальной традиции – рожденной в определенный момент в советской академии, ясно выраженной в неожиданно близких отношениях со

старшим поколением староверов и нашедшей свое выражение в материальной долговременности “книжности”” (Р. 172). Этот фокус, по мнению Роджерса, “не схватывает центральных аспектов старообрядчества как живой практики двадцатого века” (Р. 172). В его аналитической работе синтезируются не только вера, обряды и книжность, но и политическая необходимость, насилие, атеистическая литература и антирелигиозные кампании, колхоз с его практиками, коммерциализация сельского хозяйства в постсоветское время. Большая ценность книги Роджерса в том, что он мастерски показывает, как, основываясь на одном и том же материале, можно прийти к новым и подчас более интересным и более универсальным выводам,двигающим вперед науку. Описание на грани с журналистским расследованием ученого историка и антрополога позволило поставить ряд важных вопросов и задать высокую планку для российских исследователей старообрядчества.

